Православная церковь в СССР накануне коллективизации

К.П. Обозный

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: history@sfi.ru

В статье представлено положение православной церкви в Советской России накануне массовой коллективизации и раскулачивания 1930 года. На основе церковных документов и постановлений советского правительства прослеживаются серьезные изменения, которые происходили в церковной жизни различных епархий Московской Патриархии. Церковные расколы, массовые репрессии, количественное и качественное изменение состава духовенства — все эти факторы особым образом готовили советских граждан, и в первую очередь крестьянство, к серьезным переменам в аграрной политике большевиков. Несмотря на жесткую внутреннюю политику коммунистической партии, направленную на устранение всякой оппозиции (политической, экономической и религиозной), в том числе среди сельского населения, сопротивление колхозной системе проходило прежде всего по линии духовной. Таким образом, ослабление позиций церкви и фактическое ее разорение в конце 1920-х — начале 1930-х годов стало частью плана советского правительства, направленного на подавление и порабощение крестьянства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «сергианство», коллективизация, репрессии, колхозы, духовная оппозиция

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-3-97-108

В Париже в 1937 году вышла статья известного русского мыслителя, церковного историка, бывшего министра исповеданий Временного правительства Антона Владимировича Карташева «Русская церковь периода империи». В статье, описывая сокрушительные плоды советской политики, Карташев приходит к выводу о полном разрушении традиционного российского общества и порабощении большевиками всех общественных институтов: «Свободные общественные классы, столь гордившиеся своей организованностью: политические партии, интеллигенция, земские и городские самоуправления, промышленники, рабочие, — все уничтожены без остатка, все стали невольными рабами интернациональной власти. Долее всех сопротивлялось крестьянство. Но и оно уже сломлено как целое» (Карташев, 1996: 181).

Статья Карташева вышла в год Большого террора, к тому времени советское крестьянство получило сокрушительный удар, от кото-

рого оно уже не оправится. Колхозная система во второй половине 1930-х годов не вызывала активного сопротивления, а православная церковь переживала тяжелые времена. Совсем иная ситуация была накануне начала кампании по тотальной коллективизации, которая началась 30 января 1930 года, когда члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным приняли постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Тогда и крестьянство, и православная церковь были довольно консолидированной силой и в определенной мере имели внутренний потенциал для сопротивления советской власти. Особенного внимания заслуживает положение православной церкви к началу 1930 года. Это положение в основном определялось двумя документами — Декларацией о лояльности церкви советской власти, подписанной митрополитом Сергием (Страгородским), и постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях». Первый документ был опубликован в советских газетах в июле 1927 года, а постановление правительства в апреле 1929 года. Конечно, не следует забывать о главном документе, регулирующем положение верующих и церковных организаций в СССР, Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви. Через десять лет после выхода декрета многие верующие и клирики и даже епископы не расценивали его в однозначно негативном ключе, как это было в 1918 году. Духовенство, находящееся в заключении в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), в мае 1926 года в своем обращении к большевистскому правительству отмечало: «При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в успехах материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности» (Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1996: 208–209).

Казалось бы, насколько авторитетно было это мнение для православной церкви в Советской России? Следует напомнить, что к этому времени почил патриарх Тихон, а вернувшийся весной 1926 года из ссылки местоблюститель патриаршего престола митрополит Агафангел (Преображенский) не смог вступить в свои права из-за жесткого противостояния митрополита Сергия (Страгородского), все более уверенно занимавшего центральную роль в высшем церковном управлении. Однако еще в 1923 году патриарх Тихон подписал указ о первенстве епископов, отбывающих заключение в Соловецком лагере (Регельсон, 2007: 350). Тем самым патриарх подтверждал, что и после его смерти старшими в Церкви будут не архиереи, занимающие важные должности высшего церковного управления, а те, кто был осужден большевиками

на ссылки, тюрьмы и лагеря. С выходом Декларации приоритеты официальной церковной жизни начинают меняться. При этом следует отметить, что этот документ был составлен митрополитом Сергием в обмен на возможность легализовать высшее церковное управление. По советским законам для религиозных организаций, действовавших легально, требовалась обязательная регистрация в органах внутренних дел. Задача регистрации четко осознавалась и патриархом Тихоном, и местоблюстителями патриаршего престола, и митрополитом Сергием (Страгородским). При этом показателен тот факт, что проект Декларации о лояльности советской власти, подготовленный в 1926 году, был отклонен Е.А. Тучковым, одним из активных сотрудников ОГПУ, курировавшим церковный вопрос. Степень лояльности в проекте Декларации была недостаточной, как посчитало советское правительство. Слова осуждения в адрес врагов большевиков, прежде всего зарубежного духовенства, были прописаны без должной категоричности. Чтобы получить желанную регистрацию высшего церковного управления, митрополит Сергий (Страгородский) пошел на компромисс, подготовил новый вариант Декларации и весной 1927 года был освобожден из заключения, получив и возможность сформировать Временный патриарший синод, и документ о регистрации.

Какие интересы преследовало советское руководство, затевая эту игру с митрополитом Сергием? Во-первых, Декларация должна была успокоить западную общественность, выступавшую в защиту христиан в СССР. Во-вторых, Декларация, а вернее реакция на нее, должна была выявить противников большевиков в церковной ограде, подвергнуть их церковному осуждению, а затем политическому и правовому преследованию. По сути дела, митрополит Сергий вручил советской власти и ОГПУ своего рода «лакмусовую бумажку» для определения контрреволюционных элементов среди «церковников». В-третьих, сотрудники ОГПУ, разрабатывавшие эту операцию, не без оснований полагали, что столь провокационный документ с заявлением: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» (Русская Православная Церковь..., 1996: 226), неминуемо приведет к новому церковному расколу, подобно тому, как это случилось весной-летом 1922 года с появлением в православной церкви обновленчества.

Действительно, уже летом и в начале осени 1927 года многие православные приходы, клирики и архиереи отказались подписывать Декларацию, не признавали старшинство митрополита Сергия и отказывались возносить за богослужением его имя как старшего епископа. В некоторых епархиях до 90% приходов не приняли Декларацию (Регельсон, 2007: 434). Не менее 37 архиереев отказались от административного подчинения митрополиту Сергию и созданному им Синоду (поименный список см. Там же: 546–548).

Среди них были наиболее авторитетные православные епископы: митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Феодор (Поздеевский), митрополит Агафангел (Преображенский), митрополит Иосиф (Петровых) и другие. Таким образом появилось движение «непоминающих», приверженцы которого не приняли не только Декларацию, но и последующую церковную политику безграничного компромисса и сотрудничества (по сути, церковного коллаборационизма) с безбожной властью, получившую вскоре наименование «сергианство».

Наиболее крупные и влиятельные центры церковной оппозиции сложились в Ленинградской области и на Северо-Западе России, а также в Центрально-Черноземной области (объединявшей территории современных Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Белгородской, Курской областей). В январе 1928 года епископ Козловский Алексий (Буй) обратился к своей пастве с посланием, в котором заявил о том, что своими «противными духу Православия деяниями» митрополит Сергий (Страгородский) изверг себя из Церкви и «утратил право предстоятельства», то есть церковного старшинства (Шкаровский, 1999а: 39). Это заявление послужило началом движения «непоминающих», которое в научной литературе именуется по имени его духовного лидера — «буевцы». Кроме епископов, клириков и монашествующих в этом движении было значительное число мирян из сельских приходов. Несмотря на репрессии и на активную деятельность Союза воинствующих безбожников, большинство крестьян старшего поколения сохраняло традиционную религиозность. Следует отметить, что уровень их воцерковленности зачастую был невысок, однако консервативное начало играло определяющую роль. Чем большее давление оказывали власти на традиционность религиозных убеждений, тем сильнее проявлялась приверженность крестьянства к вере предков и нежелание поддаваться секулярному духу большевистской пропаганды.

Кроме традиционной консервативности крестьян важную роль играли возрастающие эсхатологические настроения. Их стремительный рост не в последнюю очередь был вызван советскими реформами на селе и церковным конформизмом «сергианского» духовенства. Советское руководство и его союзник митрополит Сергий (Страгородский) удостаивались не самых лестных оценок церковной оппозиции.

Так, например, находящийся к моменту публикации Декларации в Соловецком лагере архиепископ Иларион (Троицкий) в частном письме написал такие строчки: «Всякому, имеющему очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно, что вопреки декрету об отделении Церкви от государства, Православная Церковь вступила в тесный, живой контакт с государством. И каким государством?! Возглавляемым не Православным царем, а властью, которая основной задачей своей поставляет уничтожение на земле всякой рели-

гии, и прежде всего Православного Христианства...» (Русская Православная Церковь..., 1996: 238).

Другой противник безграничной лояльности большевикам архиепископ Димитрий (Любимов) на допросе еще более принципиально обосновал неприятие советской власти и той части церкви, которая декларировала свою преданность «слугам Антихриста». Лидер «непоминающих» в северо-западных районах Советской России от лица своих единомышленников заявил следователю: «... Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем. ...Признание нами советской власти властью антихристовой должно было повлечь за собой для верующих, ориентирующихся на нас, невозможность участвовать в каких бы то ни было ее начинаниях» (Священноисповедник Димитрий, 2008: 394–395).

Эти откровенные высказывания заключенного епископа были фактически руководством к действию оппозиционного духовенства и их паствы уже в 1928–1929 годах. «Непоминающие» Центрально-Черноземного региона СССР также занимали непримиримую позицию в отношении большевиков и их пособников из церковной ограды. Так, на следствии в начале 1930 года церковный староста одного из приходов Воронежской губернии давал показания о ситуации в деревне осенью 1929 года: «...Духовенство и верующие сейчас терпят большие насилия от Советской власти. Церкви закрываются, священники арестовываются, а крестьян насильно загоняют в колхозы» (Шкаровский, 1999а: 43). Особая роль отводилась духовным беседам, которые проводили с крестьянами священники и странствующие монахини. Главной мыслью этих собеседований было убеждение, что «...колхозы есть фактическое закрытие церкви, лишение верующих общения с Богом, лишения получения благодати, что колхозы есть не что иное, как дело рук сатаны. Когда же крестьянство будет восставать против колхозов, то неизбежно будет и то, что правительство вынуждено будет пойти на уступки или же ему будет грозить крах» (Там же). Как теперь известно, ожидания оппозиции не оправдались. Советская власть не дрогнула, не пошла на уступки, а решительно подавила и духовное, и социальное сопротивление так, что к началу 1940-х годов и легальная часть православной церкви, и свободолюбивое крестьянство были разгромлены.

Накануне кампании по раскулачиванию в апреле 1929 года вышло постановление ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях», которое на долгое время определило положение религиозных сообществ, в том числе православных приходов в СССР. Конечно, начало антицерковной политики большевиков было положено Декретом СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» от 20 января 1918 года, более известным как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. После окончания Гра-

жданской войны и натиска на православную церковь в 1922 году в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей в фонд Помгола, казалось бы, пришло время перемирия и новых возможностей для урегулирования положения христиан в Советской России. Однако на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года, заметим, уже после выхода печально знаменитой Декларации митрополита Сергия (Страгородского), лидеры большевиков поставили задачу перехода крестьянских хозяйств на «рельсы» крупного производства. Весьма показательно, что на пленумах ЦК и в некоторых партийных директивах отмечалась насущная потребность усиления антирелигиозной пропаганды и подавления духовного сопротивления, без которых невозможно было осуществить новую аграрную политику на селе. В итоговой части политического доклада Сталина на XV съезде среди серьезных недостатков было упомянуто «ослабление антирелигиозной борьбы» (Сталин, 1954: 324).

Весной 1929 года в новом документе советская власть не только вновь подтверждала принцип отделения церкви от государства и закрепляла отъем права юридического лица у Церкви, но и установила новые правила деятельности религиозных общин. Постановление было призвано урегулировать отношения государства с той частью советского общества, которое продолжало придерживаться «религиозных предрассудков». Постановление состояло из 68 статей и определяло два аспекта религиозной жизни общества: деятельность религиозных объединений и функционирование культовых зданий. Благодаря этому документу в лексикон церковно-государственных отношений вошел термин «двадцатка», то есть двадцать советских граждан (не менее), которые имели право подать заявление в местные органы советской власти для регистрации религиозного общества. В том случае, если собиралось меньше верующих для заключения договора, то такое объединение «группа верующих» не могло получить в бесплатное пользование молитвенное здание и церковную утварь, а могло их получить на правах аренды (п. 10). С другой стороны, если «двадцатка» по тем или иным причинам потеряла своих членов, то вновь возникала угроза снятия религиозного объединения с регистрации. Вступить в состав «двадцатки» во времена нарастающих гонений на верующих было актом гражданского и христианского мужества. По сути дела, это означало поставить себя под удар, обозначить себя как гражданина, который еще претендует на сохранение «религиозных убеждений». Особенно важно отметить, что такой гражданин мог быть «членом только одного религиозно-культового объединения» (Русская Православная Церковь..., 1996: 250).

Примечательно, что в таком пространном документе, посвященном религиозным объединениям, практически не упоминаются служители религиозного культа. Только в одном параграфе (п. 19) речь идет о священниках. С одной стороны, это подчеркивает отношение советской власти к лицам этой профессии. Этим постановле-

нием большевистское законодательство фактически отрицало признание церковной иерархии и старшинства клириков, а основной упор был сделан на сотрудничество с простыми верующими, не облеченными церковной властью. Таким образом, разрывались связи на уровне приход — священник — епископ. Религиозное объединение по смыслу Постановления теперь не имело нужды сообщения с правящим архиереем, точно так же и епископ был бессилен каким-то образом влиять на жизнь приходской общины. С другой стороны, самое главное в этом параграфе то, что священник фактически был привязан к определенному месту служения, зафиксированному при регистрации общины: «Район деятельности служителей культа, <...> ограничивается местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения» (Там же: 252). Тем самым облегчался контроль властей за священнослужителями, а также осложнялось положение религиозных общин, не имеющих постоянного клирика. Это давало все возможности для эффективного сокращения духовенства в СССР.

Постановление предусматривало возможность религиозному обществу «пользоваться только одним молитвенным помещением» (Там же: 251). Такое ограничение могло сковывать религиозную деятельность крупных объединений. Однако нужно признать, что непосильный налоговый гнет (по сути, на культовую деятельность) зачастую не позволял религиозным объединениям выполнять все предписания советских властей, закрепленных в Постановлении. Хорошо известно, что по этому документу приходские религиозные общины лишались практически всех прав, которые были у них до 1929 года. Были запрещены благотворительная, образовательная, просветительская деятельность, на проведение приходских собраний и религиозных шествий нужно было обязательно получать разрешение у местных властей. Вся жизнь религиозного объединения строго ограничивалась совершением культовых действий и ритуалов.

Постановление предусматривало выборы общим собранием верующих исполнительных органов в количестве трех граждан. Однако местные власти имели «право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц» (Там же: 252).

Особо следует выделить содержание параграфов 46–53, касавшихся работы специальных комиссий, которые выезжали на место освидетельствовать молитвенные здания на предмет их технического, санитарно-гигиенического, противопожарного состояния. Работа комиссии была построена таким образом, что оспорить ее решение было практически невозможно. Нередко комиссии с целью вынести вердикт о непригодности к использованию верующими молитвенного здания опирались на внутренние инструкции, которые в большинстве случаев «двадцатке» были не известны. Таким образом, Постановление значительно увеличивало поле для произвола советских

властей и становилось эффективным инструментом антирелигиозной борьбы. Именно поэтому после 1929 года начинается обвальное сокращение числа действующих храмов и молитвенных зданий в СССР, фиксируемое статистикой. Насильственное закрытие приходских храмов привело к катастрофическим результатам к концу 1930-х годов. Не в последнюю очередь это были плоды воплощения в жизнь Постановления о религиозных объединениях. Российский исследователь А.Л. Беглов хорошо показал, что этот документ серьезным образом сузил легальную церковную жизнь и способствовал росту церковного подполья. По свидетельству очевидцев, именно период 1929–1930 годов сохранился в памяти уцелевшего духовенства как самые страшные годы гонений и репрессий (Беглов, 2008: 35).

Еще один немаловажный штрих к общей картине религиозной жизни накануне тотальной коллективизации. В 1928 году было принято решение о закрытии всех православных монастырей. Первый натиск на монастыри начался еще в годы Гражданской войны, потом была следующая волна, когда шла кампания по изъятию церковных ценностей в 1922–1923 годах. В то время многие монастыри смогли сохраниться благодаря тому, что регистрировались как «сельскохозяйственные артели». В 1930 году официальных сельскохозяйственных общин на базе монастырей уже не было. Монашеские общины переходили на нелегальное положение, зачастую становились центрами сопротивления советской религиозной политике и «сергианству». Однако помимо политических у советской власти были и экономические причины таких гонений. Нередко монашеские артели, создавшие крепкие хозяйства аграрного сектора, были серьезным конкурентом для сельскохозяйственных коммун и колхозов, насаждавшихся большевиками.

В качестве иллюстрации можно использовать историю женского монастыря, основанного Марией Константиновной Арсеньевой, в постриге игуменьей Ефросиньей. В 1905 году в селе Нежадове Лужского уезда Петербургской губернии она основала Воскресенско-Покровский женский монастырь. Мария Константиновна получила благословение о. Иоанна Кронштадтского и заручилась поддержкой столичного митрополита Антония (Вадковского). Монашескую общину она собирала для молитвы и просветительских целей как некий ответ на смуту 1905 года. Фактически это была попытка возрождения древнего чина диаконис. В монастыре собрался довольно большой процент насельниц с высшим образованием. Это были педагоги, медики, люди, вполне состоявшиеся и крепко утвердившиеся в вере Христовой. Позже, уже в советские годы, некоторые из них работали в фельдшерских пунктах, в школах, причем приходили на работу в монашеской одежде, до 1928 года это позволялось. Вместе с тем нежадовский монастырь был своего рода показательной сельхозартелью, носившей имя Воскресения Христова. Монастырь оказывал местным крестьянам помощь в ведении сельского хозяйства: снабжал посевными семенами, предоставлял в аренду сельхозоборудование

и инструменты. Но в 1928 году из Ленинграда приехала комиссия, чтобы закрыть монастырь и разогнать общину. Перед этим в местной газете появилась публикация «Черный колхоз». Когда местных крестьян начали агитировать и предлагали вступать в колхоз, то они в своем большинстве отказывались, объясняя это тем, что у них уже есть артель, которая им всегда готова помочь — дает зерно, мясо, детей учит, воспитывает и даже лечит. Тогда и встал вопрос о разгоне артели. Трудовая монашеская община в Нежадове была окончательно закрыта летом 1928 года. Игуменья Ефросинья с ближайшим кругом сестер арестована. Позже ядро общины переехало в Гатчину, затем — в Муром. Там был создан тайный монастырь, который в 1930-е годы в период Большого террора был разоблачен, а сама игуменья расстреляна (Болховитинов, 2004). Это характерный пример того, как монастыри оказались серьезным препятствием массовой коллективизации, особенно в тех местах, где занятие сельским хозяйством было затруднительно.

Осенью 1929 года в СССР началась «антиколокольная кампания». Она имела «внешнее оправдание». Колокольный лом был необходим для решения задач индустриализации, нужно было поднимать электротехническую промышленность, и казалось, что медь колоколов, которые изымали на православных приходах и в монастырях, поможет решить эту проблему. Правда, потом выяснилось, что в стране отсутствовали перерабатывающие мощности. Не было технологий, не было и самой промышленности. В конце концов, из меди церковных колоколов начали штамповать советские монеты. Но есть и другое объяснение этой кампании. Запрет колокольного звона и борьба с колоколами была борьбой со стихийными выступлениями верующих, потому что удар в колокол — набат — это прежде всего сигнал для сбора верных христиан на защиту храма, на защиту церковного имущества или духовенства. Это было не первое такое постановление советской власти. Начало было положено в годы Гражданской войны в 1919 году, затем в 1923 году, когда стихийные выступления верующих, собранных колокольным звоном, порой затрудняли изъятие церковных ценностей. В 1929 году это постановление, запрещавшее трезвон и позволявшее реквизировать колокола, должно было предотвратить нарастающее возмущение крестьян, вызванное колхозной политикой большевиков.

Нельзя не упомянуть о все более активных действиях «Союза воинствующих безбожников», в том числе среди сельского населения. В основном молодое поколение крестьян в этот период оказывается легкой добычей СВБ. Немалая часть сельской молодежи была вовлечена в антирелигиозные акции «безбожников», стараясь порвать «с темным прошлым» деревни. В эти переломные годы большевики и «Союз воинствующих безбожников» сумели собрать некоторый «урожай» и в деревне.

На 1 января 1928 года количество молитвенных зданий на территории РСФСР, до момента начала действия «Постановления о ре-

лигиозных объединениях», составляло 38 442. Из этого числа 29 548 культовых зданий находились в пользовании православных общин, при этом около 1000 не использовались по назначению или пустовали. В пользовании общин обновленческого течения было всего 3411 молитвенных зданий, у старообрядческих общин 1707 молитвенных зданий, у католических общин 137 культовых зданий, у иудаистов 265 молитвенных домов. Эти данные были собраны статистическим отделом НКВД (Батченко, 2019: 275).

Весьма показательно, что большинство молитвенных зданий (34 091 из 38 442) разных конфессий до 1929 года находилось в сельской местности. В первые годы коллективизации с геометрической прогрессией растет статистика закрытых молитвенных зданий. Например, в 1927 году было закрыто 134 молитвенных здания, в 1928 году закрыто 542 храма, а в 1929-м — уже 1000 зданий за один год (Шкаровский, 1999б: 88). Это привело к тому, что к началу Великой Отечественной войны на всей территории СССР (помимо областей, присоединенных к Союзу в 1939–1940 годах) сохранилось не более 300 официально действующих православных храмов.

На первый взгляд несвязанные друг с другом Декларация 1927 года и Постановление о религиозных объединениях 1929 года по замыслу советского руководства должны были подготовить надежную почву для активного проведения коллективизации и кампании по раскулачиванию. Подрыв религиозных основ, традиционной духовной культуры, снижение авторитета клириков и монашествующих, массовое закрытие храмов все это было не просто «борьбой с религиозными пережитками». Это была еще и попытка переломить хозяйственную ментальность и тягу крестьянства к собственности, к некоторой степени свободы. Социальной и духовной опорой в отстаивании своих прав для большинства крестьян были храмы и монастыри, и оставшиеся на свободе клирики и монашествующие. Процессы массовой насильственной коллективизации и советских репрессий в отношении православной церкви были проведены по-своему блестяще, поскольку до сих пор достижения советской власти в этих направлениях в современной России ощущаются крайне болезненно. Выйти из кризиса пока не смогли ни православная церковь, ни сельское хозяйство в России.

Библиография

Батченко С.В. (2019). Власть и вера: антирелигиозная политика и ее восприятие населением Западной области, 1929–1934 гг. СПб.: Петроглиф.

Беглов А.Л. (2008). В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР. М.: Арефа.

Болховитинов С.А. (2004). Воскресенско-Покровский женский монастырь в Нежадово // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 32. СПб. С. 90–107 [URL: http://plussa-region.narod.ru/library/bolhovitinov/sobor.htm (дата обращения: 20.09.2020)].

Карташев А.В. (1996). Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел.
Регельсон Л. (2007). Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. М.: Изд-во Крутицкого подворья: О-во любителей церковной истории.
Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы (1996). М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея.
Священноисповедник Димитрий, архиепископ Гдовский, сподвижники его и сострадальцы: Жизнеописания и документы (2008) / Сост. Л.Е. Сикорская. М.: Братонеж.
Сталин И.В. (1954). Сочинения. Т. 10. М.: Гос. изд-во полит. литературы. [URL: http://www.hrono.ru/libris/stalin/10-13.html (дата обращения: 20.09.2020)].
Шкаровский М.В. (1999а). Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб.: НИЦ «Мемориал».
Шкаровский М.В. (1999б). Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М.: Изд-во Крутицкого подворья: О-во любителей церковной истории.

Orthodox Church in the USSR on the eve of collectivization

Konstantin P. Obozny, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062, Russia. E-mail: history@sfi.ru

The article describes the position of the Orthodox Church in Soviet Russia on the eve of the mass collectivization and dekulakization in 1930. Based on the church documents and decrees of the Soviet government, the author identifies serious changes in the church life of different dioceses of the Moscow Patriarchate. Church schisms, mass repressions, quantitative and qualitative changes in the composition of the clergy — all these factors in some ways prepared Soviet citizens, primarily the peasantry, for serious changes in the agrarian policy of the Bolsheviks. Despite the tough internal policy of the Communist Party, which aimed at eliminating all opposition (political, economic and religious), including among the rural population, the resistance to the collective-farm system was primarily spiritual. Thus, the weakening church and its destruction in the late 1920s — early 1930s became a part of the Soviet government plan that aimed at suppressing and enslaving the peasantry.

Key words: Russian Orthodox Church, Sergianism, collectivization, repressions, collective farms, spiritual opposition

References

Batchenko S.V. (2019) *Vlast i vera: antireligioznaya politika i ee vospriyatie naseleniem Zapadnoj oblasti, 1929–1934 gg.* [Power and Faith: Anti-Religious Policy and Its Perception by the Population of the Western Region, 1929-193], Saint Petersburg: Petroglif.
Beglov A.L. (2008) *V poiskah "bezgreshnyh katakomb": tserkovnoe podpolie v SSSR* [In Search for "Sinless Catacombs": Church Underground in the USSR], Moscow: Arefa.
Bolkhovitinov S.A. (2004) Voskresensko-Pokrovsky zhensky monastyr v Nezhadovo [Voskresensko-Pokrovsky Convent in Nezhadovo]. *Sankt-Peterburgskie eparkhialnye vedomosti*, vol. 32, Saint Petersburg, pp. 90–107.
Kartashev A.V. (1996) *Tserkov. Istoriya. Rossiya. Statiy i vystupleniya* [Church. History. Russia. Articles and Speeches], Moscow: Probel.
Regelson L. (2007) *Tragediya Russkoj Tserkvi, 1917–1945* [Tragedy of the Russian Church, 1917–1945], Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvoriya: Obschestvo lyubitelej tserkovnoj istorii.

Russkaya Pravoslavnaya Tserkov i kommunisticheskoe gosudarstvo, 1917–1941: Dokumenty i fotomaterialy [Russian Orthodox Church and Communist State, 1917–1941: Documents and Photographs] (1996), Moscow: Bibleysko-bogoslovsky institut sv. Apostola Andreya.

Svyashchennoispovednik Dimitry, arkhiepiskop Gdovsky, spodvizhniki ego i sostradaltsy: Zhizneopisaniya i dokumenty [Priest Demetrius, Archbishop of Gdovsk, His Associates and Compassionates: Biographies and Documents] (2008) Sost.: L.E. Sikorskaya, Moscow: Bratonezh.

Stalin I.V. (1954) *Sochineniya* [Works], vol 10, Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury.

Shkarovsky M.V. (1999a) *Iosiflyanstvo: techenie v Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [Josephism: A Direction of the Russian Orthodox Church], Saint Petersburg: "Memorial".

Shkarovsky M.V. (1999b) *Russkaya pravoslavnaya tserkov pri Staline i Khrushcheve (gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 gg.)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church Relations in the USSR in 1939-1964)], Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvoriya: Obschestvo lyubitelej tserkovnoj istorii.